

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА


ЗНАК
Москва
2007

ГРИБОЕДОВСКИЙ ЭПИЗОД В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ»

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин сообщил, что 11 июня 1829 года близ селения Гергеры произошло событие экстраординарное.

Два вола впряженные в арбу подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое сопровождали в Тифлис (VIII, 460).

Состоялась ли на самом деле эта встреча?¹

«1-го мая (1829 г.) — свидетельствовал очевидец, — тело покойного министра привезено было (из Персии) к Джульфской переправе. (...) Устроенные по эриванской дороге карантинны замедлили привезение тела его до последних чисел июня месяца: с того времени по 18 июля — день, назначенный для погребения, оно находилось в Артачальском карантине, отстоящем от города (Тифлиса) в трех верстах»².

¹ Впервые этот вопрос поставил Ю. П. Фесенко в начале 1980-х годов в ходе работы над кандидатской диссертацией «Пушкин и Грибоедов. Творческие взаимосвязи».

² «Письмо из Тифлиса к Булгарину» (Сын отечества. 1830. № 2. С. 89—92). «Письмо» было напечатано анонимно в качестве приложения к «Воспоминаниям о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» Ф. В. Булгарина. Автор письма, В. Н. Григорьев, установлен Н. К. Пиксановым (см.: Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 200).

По Григорьеву (а он присутствовал при переправе тела Грибоедова через Аракс), уже в Персии прах полномочного министра везли «в трахтраване, обитом белым сукном; гроб (...) самой простой работы был покрыт черным плисом и внутри обит кожею; за трахтраваном вели двух парадных лошадей, и позади ехало сто человек персидской конницы с одним султаном. На русском берегу Аракса тело переложено было в другой гроб и поставлено на дроги. Свиту персидскую сменил батальон наших войск и два орудия»³.

Российский консул в Тавризе А. К. Амбургер 16 апреля 1829 года писал И. Ф. Паскевичу из Нахичевани:

Узнав, что на днях привезут сюда тело покойного нашего министра, без всякого приличия сану его, я почел своею обязанностию приготовить здесь гроб, балдахин и все потребности для приличного сопровождения тела его в Тифлис.

4 мая он сообщал:

Тело препровождается отсюда через Эчмидзин на Гумри и так далее, с командою, следующей в Джелал-Оглу, и прапорщик тифлисского пехотного полка Макаров провожает оное до Тифлиса⁴.

Грибоедовский эпизод в «Путешествии в Арзрум» строится *на грани возможного*. На крутой горной дороге гроб мог быть действительно переложён на арбу... Те же «несколько грузин», оказывается, тоже не придуманы... Но почему Пушкин не заметил (не отметил для читателей), что они были одеты в солдатскую форму? Они могли бы невнятно ответить по-русски: «Грибоеда»... Но почему поэт обратился к ним, а не к офицеру?⁵

³ Сын отечества. 1830. № 2. С. 89.

⁴ Берже А. Смерть Грибоедова // Русская старина. 1872. Август. С. 200, 202.

⁵ Очевидно, чувствуя некоторую странность пушкинского описания, Ю. Н. Тынянов в последней главе романа «Смерть Вазир

Как бы то ни было, данная встреча позволила Пушкину дать развернутый психологический портрет Грибоедова.

«Повести Пушкина голы как-то»⁶, — замечал Л. Н. Толстой в 1853 году, имея в виду непритязательность пушкинской прозы, ее чуть ли не протокольную сухость. Повествование у Пушкина, однако, только на первый взгляд просто: в нем постоянно пульсирует некое интеллектуальное напряжение. Оно свежо, потому что парадоксально или, по-пушкински, остроумно — в соответствии с его собственным определением:

Остро(умие)м называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения (XI, 125).

Это качество пушкинской прозы становится особенно очевидным, если обнаруживается ее полемическая направленность. Чрезвычайно характерен в этом отношении портрет Грибоедова, воссозданный в «Путешествии в Арзрум».

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — всё в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, — когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только Славе и не пони-

Мухтара» заменяет грузин армянами, везущими тело Грибоедова прямо из Тегерана.

⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 46. М., 1934. С. 188.

мают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в Московском Телеграфе. Впрочем, уважение наше к Славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав Славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова был затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию; уехал в Грузию, где пробыл восемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе, и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия: *Горе от Ума*, произвела неописанное действие и вдруг поставила его на ряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, не ровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны... (VIII, 461—462).

Парадоксальность первого абзаца — в соотношении кажущегося и сущего; здесь контекст — бытовой, равно для Грибоедова, Наполеона и Декарта. Далее — качественный перелом, арена — историческая, стремительное повествование о нарастающих успехах героя, обрываемое просветленно трагической кодой. И, наконец, последний абзац — отчетливо ориентирующий пушкинский текст на иное жизнеописание Грибоедова.

Дело в том, что биография автора «Горя от ума» — и пушкинские читатели знали это! — появилась в печати, как

уже выше упоминалось, оперативно, вслед за известием о гибели драматурга — в журнале «Сын отечества». О реакции современников на бестактную болгаринскую выходку мы можем судить хотя бы по письму М. Н. Загоскина к Н. И. Гнедичу от 14 января 1830 года:

Ты, я думаю, читал биографию Грибоедова, написанную автором «Выжигина» — по мне — умора! Он, потеряв Грибоедова, осиротел навеки! (...) Ах, он собачий сын! Фаддей Булгарин был другом Грибоедова, — жил с ним новой жизнью!! — как не вспомнить русскую пословицу, в которой говорится о банном листе⁷.

Между тем Булгарин и позже не устал подчеркивать свои дружеские отношения с погибшим. Об этом он постоянно «проговаривался» на страницах своей газеты «Северная пчела». А в начале 1835 года из печати вышла первая часть его романа «Памятные записки титулярного советника Чухина», где тень Грибоедова опять была потревожена в образе одного из персонажей:

Александр Сергеевич Световидов принадлежит к хорошей и старинной дворянской фамилии. (...) В юности Световидова пример родителей и недостаток нравственного образования едва не увлекли на стезю порока и едва не свергнули в бездну разврата, если бы сила ума его и характера не удержала его. (...) В короткое время Световидов прошел всё поприще соблазна и испытал все буйные наслаждения. Но он вскоре опомнился, почувствовал пустоту в сердце и вышел в отставку. Одно неприятное приключение в столице, которое он навлек на себя остатками своих гусарских привычек, заставило его удалиться от света. Семь лет он прожил в уединении, с книгами и с собственным сердцем, вычерпал, так сказать, всю книжную мудрость и, процевив ее сквозь здравый рассудок, сделался истинным философом, сохранив при этом всю любезность светского человека.

⁷ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 406.

Природа наделила его удивительною памятью и обыкновенным даром убеждения. (...) Он имел от природы этот, так сказать, сверхъестественный дар, эту симпатическую силу очаровывать сердца одним взглядом и заставлял верить себе на слово. Привилегия истинного гения! Если бы Световидов был брошен судьбою на поприще политической деятельности, он бы достигнул недостигаемого величия. Он был рожден быть или Бонапартом или Магометом. (...) Когда я познакомился с ним, ему было около тридцати лет от рождения. Он уже с полгода жил в Петербурге, собираясь путешествовать по Европе (...)»⁸.

На «Записки Чухина» Пушкин намеревался откликнуться в «Современнике» краткой рецензией.

Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта. Это, по-видимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!).

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина ни мало не уступает его прежним (XII, 10).

Язвительная эта реплика в пушкинском журнале не появилась, может быть, потому, что в первом выпуске его было напечатано «Путешествие в Арзрум», где в кратком жизнеописании Грибоедова уже содержался внятный отклик на этот роман и прямо целил в прилипчивых к славе мемуаристов («Впрочем, уважение наше к Славе...»).

В традициях дидактического романа с его «нравственной тенденцией» булгаринский Световидов проходит обычный путь от «заблуждений молодости» к раскаяньям рассудка и становится «порядочным человеком». Для Пушкина же Грибоедов — истинный сын своего века, гениаль-

⁸ Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. Ч. 1. СПб., 1835. С. 119–120.

ные задатки вполне проявивший и в поэтической, и в государственной деятельности.

С другой стороны, пушкинский портрет Грибоедова отчетливо сориентирован на статью К. Н. Батюшкова «О характере Ломоносова»⁹:

...Наблюдателю философу приятно было бы узнать некоторые частные подробности жизни великого человека: познакомиться с ним, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслаждения, привычки, странности и самые пороки, неразлучные спутники человека {...};

Воображение и сердце часто увлекали его в молодости: они были источниками его наслаждений и мучений, неизвестных обыкновенным людям {...};

К сожалению, немного подробностей дошло до нас, и почти все исчезло с холодными слушателями. Одни великие души чувствуют всю важность дружеских поверений знаменитого человека, их современника {...};

Рихман умер прекрасной смертью (это собственное выражение Ломоносова)¹⁰.

Вероятно, сознательная эта перекличка, по мысли Пушкина, должна была оттенить универсальность дарований Грибоедова.

Отмечалось также, что в описание убийства Грибоедова вторгается воспоминание Пушкина о вдохновенной импровизации Адама Мицкевича:

Из свернутых бумажек, на коих были записаны предполагаемые задачи, жребий пал на тему в то время поэтичес-

⁹ См.: Дубшан Л. С. Путешествие во время чумы // Звезда. 2002. № 6. С. 146—147. Возможно, Пушкину было известно грибоедовское произведение «Юность вещего», где также была использована статья Батюшкова (см.: Вильк Е. А. Опыт реконструкции и место в литературном процессе «Юности вещего» Грибоедова / Проблемы творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994). Нужно вспомнить и главу «Ломоносов» в пушкинском «Путешествии из Москвы в Петербург».

¹⁰ Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 46—49.

кую и современную¹¹: приплытие Черным морем к одесскому берегу константинопольского православного патриарха, убитого турецкой чернью¹².

Прежде чем перейти к анализу Грибоедовского эпизода в «Путешествии в Арзрум», обратим внимание на смысл часто неверно толкуемых пушкинских определений, обратившись к собственному его словарю¹³. «Жизнь Грибоедова, — отмечает Пушкин, — была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств». Что это — опять намек на знаменитую «дуэль четверых», вследствие которой «даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении»? Но читаем у Пушкина: «пылкость тогдашних чувствований» (XI, 267) (о молодежи конца 1810-х годов); «чувствительный и пылкий Радищев» (XII, 34), «пылкой его души» (XII, 79) (о молодом Вольтере). Как видим, во всех этих случаях «пылкость» — синоним оппозиционности, вольнолюбия. А «обстоятельства» — к тому же «могучие»? О «силе обстоятельств» Пушкин вспоминал обычно в связи с историческими судьбами тех или иных явлений: «два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы» (XI, 37). В офи-

¹¹ Современным (то есть актуализированным) это событие, происшедшее в 1821 году, слушателям могло представляться в 1829 году именно в соотнесении с гибелью Грибоедова и с препровождением его праха из Тегерана в Тифлис.

¹² См.: *Листов В. С.* К истории создания «грибоедовского» эпизода в «Путешествии в Арзрум» // Болдинские чтения. Горький, 1986. С. 130. Отметим, в частности, пронзительно горькую, но неточную подробность (по аналогии с константинопольским событием) о том, что тело убитого Грибоедова было «три дня игралищем тегеранской черни» (VIII, 461).

¹³ В пушкинском портрете Грибоедова несколько неожиданно вспоминается Декарт. В связи с этим полезно напомнить и другое упоминание у Пушкина о том же философе: «Определяйте значение слов, — говорил Декарт» (XI, 194).

циальной записке «О народном воспитании», давая свое объяснение декабристского заговора, Пушкин говорит: «Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий» (XI, 43) — и далее процитирует царский манифест, где было упомянуто о «своевольстве мыслей, источнике буйных страстей».

Так мы находим точные ориентиры для толкования ключевой фразы в пушкинской характеристике Грибоедова — как иначе мог бы сказать он о его аресте в 1826 году по подозрению в принадлежности к тайному обществу? А сказать об этом в «Путешествии в Арзрум» было просто необходимо! Вспомним, что напечатано оно в первом томе «Современника», открывавшемся стихотворением «Пир Петра Первого»¹⁴, которое было отважным призывом о «милости к падшим». Тема эта варьировалась и в других материалах журнала, прежде всего в «Путешествии в Арзрум», где впервые в русской литературе были названы — пусть иногда только их инициалами! — осужденные декабристы.

В том же ключе прочитывается и несколько неожиданное определение качества грибоедовского ума — «его озлобленный ум» (ср. контрастные, смежные воспоминания о «меланхолическом характере» и «добродушии»). В словаре Пушкина этот эпитет также имел вполне определенное наполнение. «Я был озлоблен, он угрюм», — сравнивал себя с героем автор «Евгения Онегина», а позже вспоминал два-три романа, «в которых отразился век и современный человек (...) с его озлобленным умом, кипящим в действии пустом». Тот же эпитет в пушкинском определении:

¹⁴ В нем отозвалась дума Рыльева «Петр Великий в Острогоске», одна из двух (наряду с «Иваном Сусаниным») отмеченных Пушкиным из всего цикла. Та же дума цитировалась и в белой рукописи «Путешествия в Арзрум»: «Кобылиц неукротимых / Гордо бродят табуны» (VIII, 446).

⟨...⟩ озлобленная летопись кн.⟨язя⟩ Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгн.⟨анника⟩ отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков (XI, 67).

Литературность Грибоедовского эпизода оттеняется контрастом его стилистики с деловитым, фактологическим и слегка ироничным тоном всего повествования в «Путешествии в Арзрум». Две с половиной страницы, посвященные Грибоедову, представляют собою беспрецедентное, единственное в этом произведении лирическое отступление¹⁵. Но оказывается, и самые географические подробности путевых записок только в описании встречи автора с грузинами, везущими тело «Грибоеда», отзываются художественным вымыслом. «Где произошла эта встреча? — размышляет К. В. Айвазян. — В “Путешествии в Арзрум” говорится, что у крепости Гергеры “три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега”. Тут у Пушкина неточность: во-первых, возле селения Армянские Гергеры (Русских Гергер тогда не было) никаких “трех потоков” нет; во-вторых, сама деревня стоит не на “высоком берегу реки”; в-третьих, согласно маршрутной карте, Гергеры упоминаются не как крепость, а как пост. Названные Пушкиным приметы подходят скорее к Джелал-Оглы»¹⁶. Но такое уточнение не устраняет другой неточности: и Гергеры, и расположенная перед ними крепость Джелал-Оглы находятся перед горой Безобдал, «отделяющей Грузию от древней Армении», а не после нее, как это изложено в «Путешествии в Арзрум».

Всё это можно было бы объяснить вполне понятной ошибкой памяти: ведь путевые очерки писались спустя шесть лет после кавказского путешествия поэта. Но как раз в 1835 году такие ошибки были бы невозможны, так как

¹⁵ Это отмечено А. Г. Битовым — см.: Другие берега. Литературный журнал. М., 1994, № 4–5. С. 62

¹⁶ Пушкинские места. Путеводитель в двух частях. М., 1988. Ч. 2. С. 262.

он восстанавливал дорожные впечатления, постоянно свежаясь с «Маршрутом от Тифлиса до Арзрума», приложенным к «Путешествию» в белой рукописи. В «Маршруте» всё на месте:

Укрепл.(ение) Джелал-Оглу	19½ (верст)
Гергерский пост	13
Кишлякский	16 Переезд через
Амамлы	13 Безобдал (VIII, 489)

Да и в тексте «Путешествия» после Грибоедовского эпизода через пробел читаем: «В Гергерах встретил я Б(утурлина)»(…). И далее: «Переехав через гору и спустясь в долину...», — имеется в виду именно Безобдал (VIII, 462). На месте гора оказывается и на обратном пути следования Пушкина в Тифлис — сразу после Гумы (VIII, 482).

Объяснить все странности Грибоедовского эпизода можно, лишь высказав, на первый взгляд, неожиданную гипотезу: он был написан в качестве самостоятельного произведения, значительно раньше всего текста «Путешествия в Арзрум», а потом (в слегка доработанном виде)¹⁷ вставлен в рукопись путевых записок. В белом автографе произведения Грибоедовский эпизод помещен на отдельных листах и заключен знаком концовки; перед начальными же словами эпизода («Я ехал верхом, переменя лошадей на казачьих постах...») имеется карандашная помета: «Статья II» (см.: VIII, 1010).

Известно, что в «Литературной газете» за 1830 год Пушкиным была напечатана статья «Военная Грузинская дорога». Не предполагал ли он вслед за этим опубликовать и вторую статью, т. е. «Грибоедовский эпизод»? Какие-то слухи об этом в литературные круги тогда уже просочились. В примечании к «Письму» Григорьева вездесущий Булгарин сообщал:

Замечательно, что один из первых русских, встретивших тело Грибоедова в российских пределах, был поэт

¹⁷ Так появились переключки с «Записками Чухина».

наш, А. С. Пушкин, на пути своем в Отдельный кавказский корпус¹⁸.

В сущности, этим примечанием закрывалась дорога в печать пушкинской «Статье II»: контраст между мемуарным свидетельством о препровождении тела Грибоедова и пушкинской интерпретацией этого события оказался разительным. Читатель, сравнивая два эти произведения, несомненно, отдал бы предпочтение по достоверности «Сыну отечества», а не «Литературной газете».

Встречи Пушкина с покойным Грибоедовым близ Гергер, судя по всему, не было. Но уже отправляясь на Кавказ из Москвы, куда дошли известия о тегеранской трагедии, Пушкин предчувствовал эту встречу. И не он один. В. А. Ушаков вспоминал:

В прошлом году (т. е. в апреле 1829 года. — С. Ф.) я встретился в театре с одним из первоклассных наших поэтов и узнал из его разговоров, что он намерен отправиться в Грузию. «О Боже мой, — сказал я горестно, — не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может называться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова». — «Так что же, — отвечал поэт. — Ведь Грибоедов сделал свое. Он уже написал “Горе от ума”»¹⁹.

А. Я. Булгаков вспоминал о том же в письме к брату от 21 марта 1829 года:

Он (Пушкин) едет в армию Паскевича узнать ужасы войны, послужить волонтером, может, и воспеть это все. «Ах, не ездите, — сказала ему Катя, — там убили Грибоедова». — «Будьте покойны, сударыня, — неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичев? Будет и одного»²⁰.

С такими мыслями Пушкин отправился на Кавказ. По пути, в Орле он встретился с Ермоловым и беседовал с ним

¹⁸ Сын отечества. 1830. № 2. С. 88—89.

¹⁹ Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 405.

²⁰ Там же.

о Грибоедове. Потом наверняка обсуждал обстоятельства гибели драматурга с многочисленными его знакомцами по пути в Арзрум и обратно, увидел пышное искупительное посольство Хозрев-Мирзы и не мог не проследить по тогдашней прессе, как — по официальному распоряжению — умалчивала она о причинах этой дипломатической миссии²¹. На обратном пути в Россию Пушкин посетил могилу Грибоедова, «перед коей Александр Сергеевич преклонил колени и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы»²². И после этого в Петербурге он прочитал болгаринские «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове». Таковы были психологические предпосылки создания Грибоедовского эпизода («Статьи II»)²³. Необходимо было напомнить русскому обществу о подлинном Грибоедове, и лучшим способом пробить информационную брешь могло стать оформление слова о нем в эпизод путевых записок.

Но в 1830 году Булгарин выиграл журнальный поединок.

В 1835 году статья Григорьева была подзабыта. И вышли «Записки Чухина» Булгарина. Тогда-то Пушкин и решил включить «Статью II» в «Путешествие в Арзрум», осознавая ее высшее, актуальное значение.

Художественный документ — это вовсе не канцелярская справка, не показание свидетеля под присягой: «Правда, ничего, кроме правды!» Это прежде всего высокая литература.

²¹ Только в «Северной пчеле» в течение 1829 года сведения о миссии (без всякого упоминания о ее причине) появились в № 67, 68, 70, 73, 90, 92, 94, 95, 97, 98, 99, 103, 122. О гибели Грибоедова сообщение (перепечатанное из «Тифлиских ведомостей») в газете появилось только единожды — 15 августа, в № 98.

²² Свидетельство Н. Б. Потокского (Русская старина. 1880. № 7. С. 582).

²³ Подобным же образом Пушкин дезавуировал в 1827 году воспоминания Булгарина о Н. М. Карамзине, предназначенные для публикации в альманахе «Северные цветы» (см.: Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб. 1994. С. 135–150).

P. S. В 1999 году в «Московском пушкинисте» (вып. VI, с. 292–337) была напечатана статья И. С. Сидорова «“Великая иллюзия” или “мнимая нелепость”? (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова)». Здесь доказывается *возможность* такой встречи и содержится, в частности, полемика с моей статьей, напечатанной в первом варианте в 1998 году. С какими-то уточнениями оппонента я готов согласиться. Но в главном — все же нет! И самым сильным аргументом в пользу своей трактовки считаю данные писавшегося непосредственно во время путешествия дневника: упоминания о встрече с телом Грибоедова там нет. И. С. Сидоров замечает:

В дневниковых записях, которые Пушкин делал непосредственно во время поездки, путь из Тифлиса в армию отразился только в перечислении некоторых пунктов, через которые он проехал. Среди них упоминаются и Гергеры, но без какого-либо комментария (с. 294).

Но ведь в этом «перечислении» все же замечены по этому «осетинцы, похороны», «поэт персидский», «принц персидский», «Гассан Кале»²⁴. Неужели они казались Пушкину важнее, нежели Грибоедов? В «Путешествии в Арзрум» все они будут упомянуты, но эти описания несравнимы ни в коей мере с Грибоедовским эпизодом. «Никакие другие аргументы, — заявляет в начале статьи И. С. Сидоров, — не могут доказать того, что эта встреча **не могла** состояться. А если этого доказать не удастся, то, исходя хотя бы из принципа презумпции невиновности, мы должны будем признать достоверность пушкинского рассказа (с. 293)» — и дает такое пояснение в примечании:

Может показаться странным перенос этого принципа в историко-литературную область, но в данном случае вольно или невольно затрагиваются уже не только чисто литературные, но и некоторые морально-этические проблемы (с. 330).

²⁴ Пушкин А. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 43.

Странное утверждение! В «Путешествии в Арзрум» свои стихи «Стамбул гяуры нынче славят...» Пушкин жертвует янычару Амин-Оглу. А также сообщает:

19 июля пришед проститься с Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова (...) (VIII, 482).

В современных комментариях сообщается, что бывший декабрист И. Г. Бурцов был ранен в этот день в 130 верстах от Арзрума, а умер 23 июля. Может быть, и здесь нарушена «презумпция невиновности»?